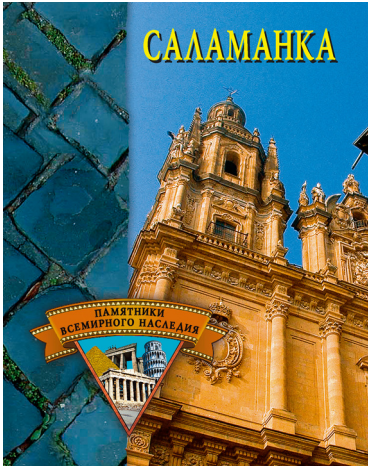

Елена Николаевна Грицак
Саламанка
Серия «Памятники всемирного наследия»

*Текст предоставлен издательством «Вече»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167450
Е.Н.Грицак Саламанка: Вече; Москва; 2006
ISBN 5-9533-1259-8*

Аннотация

Небольшой испанский город Саламанка известен миру своим университетом, созданным еще во времена Средневековья и уже тогда признанным одним из лучших учебных заведений Европы. Достопримечательностью являются исторические кварталы с прекрасно сохранившимися памятниками архитектуры. Бурная студенческая жизнь на фоне старинных зданий и каменных мостовых создают в этом городе неповторимую атмосферу, которую постарался передать автор этой книги.

Содержание

Введение	4
Университетский город	6
Страна дольменов и кроликов	7
Римский мост на испанской реке	13
Salmantica	21
Старый и Новый	32
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Елена Николаевна Грицак

Саламанка

Введение

*Саламанка! Саламанка!
Ты навек в моей судьбе.
О кастильская чеканка
Мысли, вызревшей в тебе!*
Мигель де Унамуно

Незнакомое многим слово «Саламанка» наводит на мысль о золотом веке (исп. el Siglo de Oro) и старой Испании, некогда мощной державе, одинаково знаменитой оружием и культурой. Благодаря университету – одному из самых старых и престижных учебных заведений Европы, – город прославился еще в Средневековье. Обучаться или хотя бы недолго жить в нем сочли за честь великие ученые, политики, литераторы и художники. Множество уникальных памятников, от мегалитов до зданий в стиле модерн, и главное – дух просвещения, витающий в чистом кастильском воздухе, побуждали не просто побывать здесь, но и остаться надолго. Своеобразный облик города во многом определяет камень золотистого цвета, который издревле добывался в ближайших карьерах и широко использовался местными строителями.

Территория вблизи Саламанки была обитаема с доисторических времен, о чем свидетельствуют археологические находки в ее окрестностях. Самую многочисленную группу реликтов составляют вещи из бронзы, относящиеся к одноименной эпохе и племенам иберов, прибывшим на полуостров из Африки. Примерно в IV веке до н. э. к ним присоединились кельты; меньше столетия понадобилось чужакам для того, чтобы слиться с местными в единое сообщество и стать кельтиберами, от которых, как считает большинство историков, произошла испанская нация. Впрочем, некоторые из них утверждают, что меньшая часть пришельцев с севера жила обособленно, сумев сохранить чистоту расы. Одна из таких групп обитала на месте современной Саламанки, где обнаружены следы цивилизации, относящиеся к «чистым» кельтам: характерные для европейского континента мегалитические постройки, оружие, предметы быта, превосходная для того времени наскальная живопись.

Саламанка в начале XX века

Около 2300 лет назад на месте Саламанки существовало некое подобие города. Расположенный в центре Иберийского (ныне Пиренейского) полуострова, он, к огорчению позднейших обитателей, не омывался волнами океана. Единственной водной артерией ему служила река Тормес – широкий, но не слишком бурный поток, в настоящее время перегороженный двумя мостами: изящно вытянутым Новым и массивным Римским. Асфальтовые дорожки набережной, клумбы, урны, скамейки придают ей живописный, хотя и банальный вид. Однако присущий Саламанке дух седой старины можно почувствовать у самой воды, где царит первобытная природа: буйная, на первый взгляд не тронутая человеческой рукой растительность пробивается между светло-коричневыми камнями, обильно разбросанными по берегам реки.

В старой Европе имеется немало городов почтенного возраста. Многие из них сохранили привлекательный вид, в каждом есть старинные памятники, но ни один не смог достичь того уровня культуры, которым издавна славится Саламанка. По ее облику можно проследить развитие всевозможных архитектурных стилей, от романского до конструктивизма XX века. Благодаря высокому художественному уровню зданий небольшой город на окраине Испанского королевства часто называют маленьким Римом. Его высокий престиж, помимо зодчества, определяется тем, что здесь располагается резиденция епископа и три университета: Государственный, Папский и Доминиканский. В первую очередь благодаря им, а затем уже и «золотым» дворцам, город вошел в фонд всемирного наследия, о чем 1988 году была сделана запись в документах ЮНЕСКО.

Университетский город

Вбиты в каменные плиты золотые письма.

Имена не позабыты, не забыта старина.

Мигель де Унамун

Больше половины населения Саламанки составляют студенты, приезжающие сюда со всех концов света. Не имея понятия о престиже местного образования, трудно вообразить, чем привлекает молодежь этот старинный город, население которого составляет всего 162 тысячи человек. Провинциальный в прошлом, сегодня он является районным центром в автономной области Кастилия-Леон, представляя собой обширный студенческий городок. Основанный более 7 столетий назад, университет Саламанки успешно действует и поныне, прочно удерживая авторитет во многих областях мировой науки. В аудиториях этого почтенного заведения одновременно размещаются десятки тысяч студентов. Являясь гордостью всех испанцев, он составляет славу города, не затмевая, однако, других его достопримечательностей.

Страна дольменов и кроликов

Сведения о первобытной Испании теряются в общих и весьма туманных представлениях греческих поэтов. Гомер, подготовив основу для описаний Вергилия и Горация, упоминал о некоей стране вечерней звезды (лат. *Hesperia*). Великий рассказчик восхищался землями, «где ночь коротка и солнце быстро садится, где светло и беспечально пробегают дни человека, где ни метелей, ни ливней, ни хлада зимы не бывает», затем добавляя, что за ними «начинаются глубоко текущие воды океана».

По мере продвижения на запад греки знакомились с побережьем Средиземного моря; круг географических понятий расширялся, но термины еще долго связывались с мифом о Гесперии. В классические времена морские путешествия не представляли особой сложности, поэтому описания таинственной страны стали более определенными и, кроме того, относились к достоверным событиям. Переход от фантастических толкований к реальности произошел в 630 году до н. э., когда эллинское судно впервые причалило к берегам будущей Испании, уже освоенным финикийцами. В дальнейшем греческие корабли не раз достигали Гибралтара, или Геракловых столбов, как называли всем известный пролив античные мореплаватели. Высаживаясь на берег, эллины встречались или случайно сталкивались с местными племенами и, судя по легендам, первые такие встречи не всегда заканчивались мирно. Записи в судовых журналах давали пищу поэтическому воображению, поскольку их краткость требовала разъяснений и дополнений.

По прошествии веков трудно сказать, являлось присутствие греков колонизацией либо имело торговый характер. Во всяком случае крупных войн в то время не было. Эллины обосновались на южном побережье, вели оживленную торговлю, но жили по собственным законам, поддерживая связь с родиной. В борьбе против конкурентов они действовали заодно с туземным населением. Слишком краткое их пребывание почти не повлияло на иберийскую культуру несмотря на то, что, по свидетельству античных авторов, в поселках колонистов работали театры, школы, академии. Здания до нашего времени не сохранились, однако в малом количестве остались руины храмов, фрагменты статуй, черепки, покрытые неизвестной аборигенам лаковой росписью. Проживая в основном на побережье, греческие торговцы часто заходили вглубь полуострова, поднимались к северу и, возможно, бывали в Саламанке, поскольку даже в такой дали от побережья археологи находили серебряные монеты хорошей чеканки с изображением крылатых коней.

В VI веке до н. э. рядом с греческими факториями стали появляться карфагенские, быстро преобразовавшиеся в крепости. Очередные пришельцы из Северной Африки придали местной торговле невиданный размах; на южных берегах Гесперии образовалось настоящее государство, почти независимое и мало связанное с Карфагеном. В отличие от греков финикийцы не ограничивались поселками, а строили настоящие города с благоустроенными гаванями, улицами, площадями, роскошными дворцами. Прибрежные общины иберов попали под их влияние, но покорить дикий народ полностью не удалось, благо захватчики не испытывали недостатка в рабах. Зато благодаря им туземцы узнали о возможностях собственной земли: правильно возделанная почва давала богатые урожаи, доходы от серебряных рудников позволяли существовать свободно и в некоторых случаях диктовать свою волю племенам, не сумевшим наладить производство драгоценных металлов.

С карфагенским периодом связано современное название страны – Испания (лат. *Hispania*). По самому смелому предположению, оно происходит от финикийского слова «span», в переводе означающего «кролик». Возможно в древней Испании их действительно было много, хотя основной пищей местных жителей были не они, а более крупные животные, например иберийские бизоны, изображения которых часто встречаются в пещерах

Саламанки. В ее живописных окрестностях сохранились остатки быта и религиозного культа ранних обитателей этих земель, коими принято считать кельтов, в данном случае сохранивших свои национальные особенности.

Будущий университетский город изначально являлся резиденцией кельтских вождей. Многочисленные и весьма характерные предметы того времени дают основание полагать, что культура местного населения была достаточно высока, хотя и лишена письменности, почему-то не заимствованной у финикийцев. Древнейшие народы Испании быстро достигли успеха в обработке камня и раньше европейских собратьев освоили производство металла, благо руда в испанской земле встречалась повсюду.

Иберийские племена заселяли южное и восточное побережья полуострова. Пришедшие с севера кельты завладели его северо-западной частью, захватив обширные плоскогорья, безжизненные с виду, зато прекрасно подходящие для скотоводства. На взгляд южанина, равнины Кастилии, куда входят и земли Саламанки, пугают своей пустотой и бесконечностью: торжественно-величавое поле камней, выжженная солнцем трава, светлая, кажется, ни на что не пригодная почва. Тем не менее ландшафты северо-запада Испании гораздо более привлекательны, чем пейзажи Андалусии. Каменные пустыни здесь чередуются с лесными массивами, а трава, приятно зеленея, буйно разрастается в прохладные сезоны, когда местные жители радуются дождям и негодуют на пронизывающие ветры.

Центральная часть полуострова испещрена цепями гор, разбивающими все плоскогорье на множество замкнутых областей. Здешние реки большей частью лишены хозяйственного значения, поскольку имеют небольшую глубину. Протекая медленно и лениво, они часто и во многих местах пересыхают летом, превращаясь в бурные потоки весной, особенно вблизи гор.

Несмотря на мелкие недостатки, эти суровые края всегда привлекали захватчиков, искавших здесь не плодородные земли, а материальные богатства. Горные хребты, преграждавшие древним племенам выход к морю, таили в себе железо, медь, олово, свинец, ртуть, серебро, золото, которые первыми обнаружили кельты.

Силуэты рук и очертания бизона в наскальной живописи. С рисунка в гроте Дель Кастильо

В описании классических авторов древний кельтский человек имеет двойственные черты, которые до сих пор объясняют лишь слиянием рас. Испанским кельтам приписывались такие противоречивые свойства, как непостоянство и твердая, воистину героическая преданность вождям. Жадность к золоту совмещалась у них с крайней щедростью по отношению к богам; косность ума – со страстью к красноречию; грубая простота – с хитростью в военном деле. Помимо всего прочего, кельты, в отличие от иберов, имели желание и способность к изобретательству. Национальными чертами объясняется тот факт, что, будучи прекрасными воинами и плохими гражданами, они легко завоевывали государства, а сами ограничивались селениями, подобными старой крепости Саламанка.

Еще до появления в Испании кельты стояли на довольно высокой ступени развития, но, склонные к странствиям, не отличались преданностью родине, поэтому больше занимались войной, не гнушаясь организованным разбоем. Они расселялись большими группами, причем выбирали для жительства далеко не лучшие места. Их поселки росли медленно, хотя к приходу карфагенян многие приобрели значение городов. Кельтские кланы долго сохраняли первобытную независимость, хищнический образ жизни и преданность главе рода.

Будучи выносливым, умелым, не требовательным к бытовому комфорту народом, кельты жили бедно и постоянно воевали, презирая культуру во многих ее проявлениях. Единственным исключением являлась наскальная живопись, не всегда имевшая ритуальный характер. Некоторые изображения могли быть иероглифами или первой формой иберийского письма. Древние художники работали в глубине пещер либо рукотворных строений и очень тщательно выбирали поверхности для рисования. Чаще ими служили ровные, прямые, а иногда и наклонные стены галерей, где умещались целые композиции с десятками человеческих фигур, отдельными частями тела, силуэтами животных: быков, оленей, кабанов, бизонов, лошадей, ланей.

Рисунки, обнаруженные в подземельях Саламанки, выполнены красной и черной красками на светлом фоне. Все изображения настолько характерны, что исследователи склонны относить их к определенной культуре, достигшей расцвета приблизительно к IV веку до н. э. Распространенную тогда миниатюрную пластику из бронзы принято считать чисто иберийским видом искусства, поскольку вся скульптура подобного рода отличалась своеобразием и, кроме того, ее находили только вблизи стоянок кельтов.

Бронзовая поясная пряжка и обменная пластина

Первобытные мастера Испании превосходили ближайших соседей, и в первую очередь это касалось искусства. Идолы из цельного камня, рисунки с реалистичным изображением людей, бронзовые рельефы и статуэтки, эффектная посуда, конечно, исполнялись представителями других племен Европы, но иберийские вещи более совершенны с технической стороны и намного богаче украшены.

Эпоха бронзы на Иберийском полуострове стала результатом прогресса местной культуры, но могла быть связана с вмешательством извне, например с бриттами, изредка совершавшими набеги на поселения иберов. К началу II тысячелетия до н. э. коренные испанцы успели забыть об оловянных топорах, сменив их на всевозможной формы бронзовые: трапцевидной, гладкой, с двумя боковыми выступами, в виде идола. Тогда же в обиход вошли вещи для обмена – медные, а затем и бронзовые пластины с рельефным орнаментом.

Предки современных испанцев отличились успехами в строительном деле, подтверждением чему служит большое количество мегалитов. Вопреки распространенному мнению, постройки из огромных камней – дольмены, кромлехи, менгиры – появились в центре Иберийского полуострова задолго до прихода кельтов, хотя именно их чаще называют носителями местной мегалитической культуры. Вблизи Саламанки можно увидеть дольмены, как принято обозначать наземные погребальные камеры, сложенные насухо из каменных глыб. Стенами каждого такого сооружения служили камни, поставленные на ребро и слегка наклоненные внутрь; крыша, выполненная из самых плоских камней, после окончания строительства засыпалась землей.

Возведение гробниц требовало колоссального напряжения сил, зато служили они долго, ведь каждый, даже небольшой, дольмен вмещал в себя несколько десятков тел. Самые крупные достигали 27 м в длину и разделялись на два удлинённых помещения: собственно склеп и галерею. Потолки камер поддерживали массивные столбы; отдельные опоры весили около 170 т, поэтому можно предположить, что для монтажа древние люди пользовались специальными приспособлениями. Иногда строители оставляли свои орудия в дольменах. Так, в одном из них были найдены до блеска отшлифованные каменные топоры, а рядом лежал медный наконечник копья.

На площадке рядом с дольменом завершалась начатая в поселке церемония погребения, которая в Испании не всегда проводилась со скорбной торжественностью. Внутри постройки можно было попасть с восточной стороны через вход, представлявший собой небольшое круглое отверстие.

Соплеменники заворачивали покойника в шкуру или ткань и, совершив положенный обряд, укладывали в камеру, помещая вместе с трупом остатки культовой утвари, а также бытовые предметы, возможно, те, которыми умерший пользовался при жизни. Судя по количеству посуды, обитатели иберийских степей рано освоили производство керамики, но гончарный круг, несомненно, впервые увидели у финикийцев. Местные мастера обрабатывали вазы очень аккуратно, окрашивая посуду по подобию наскальной живописи в красный и черный цвета, хотя чаще выбирали серые оттенки. Ранняя утварь иберов имела вид тарелок и мелких плошек; поздняя отличалась мягкой полусферической формой, больше подходящей для горшков и ваз. Украшая посуду красивыми узорами, иберийские гончары не использовали лак, без которого цветная керамика теряла ценность.

Иберийский дольмен

Более поздним типом некрополя является подземный склеп, представляющий собой прямоугольную, реже круглую, камеру со стенками, аккуратно выложенными кирпичом или мелким камнем. В Кастилии подобных гробниц, тоже служивших общественными могилами, обнаружено гораздо больше, чем дольменов. Многие из них состоят из нескольких помещений, соединенных узкими коридорами. В таких склепах чаще помещали урны с пеплом умерших взрослых; останки детей иберы не сжигали, а укладывали в большие сосуды местной или карфагенской работы. Место для погребальной урны отмечалось камнями, уложенными в виде звезды. Рядом с покойным соплеменники зарывали в землю все то, что использовалось во время похорон: ритуальные кубки, тарелки, оружие, разнообразные украшения, не исключая фибул, которые были прикреплены к одежде умершего и лежали рядом с его телом.

Латинским словом «fibula» принято называть металлическую застежку для одежды, выполненную обычно в виде богато украшенной булавки либо заколки со щитком. Являясь одним из самых древних предметов украшения, фибула появилась на Иберийском полуострове благодаря римлянам. Впоследствии этот предмет появлялся в испанских костюмах Средних веков и Нового времени, оставшись функциональным и очень эффектным аксессуаром и для современных модельеров.

Почти все найденные археологами вещи хранятся в многочисленных музеях Саламанки. Одна из краеведческих выставок устроена в музее университета, где, помимо собрания культовой живописи, представлены предметы, относящиеся к разным эпохам и народам. Не менее увлекательная экскурсия ожидает посетителей музеев под открытым небом, которых немало в окрестностях города.

Коренное население Испании никогда не было свободным от внешних врагов. Слившись с кельтами, иберы постоянно испытывали чужеземное господство, отчего даже самые ранние их поселения – ситании – походили на крепости. Длинные круговые стены, сложенные из необработанного камня, скрепленного глиняным раствором, были сплошными либо прерывались в недоступных для подхода или обстрела местах; там, где о безопасности не позаботилась природа, люди устраивали двойные и даже тройные стены. Время показало, что такая кладка, несмотря на примитивность, обеспечивала высокую прочность. Кроме

того, 3-метровая в толщину ограда дополнительно укреплялась квадратными башнями с еще более толстыми (до 6 м) стенами.

В ситаниях Саламанки сохранились круглые дома, выстроенные из неотесанных, хорошо пригнанных камней, уложенных без применения связующего вещества. Внутри жилищ, в отличие от гробниц, редко имевших более одного помещения, были обнаружены предметы из металла, орудия труда из камня и кости, глиняные тиски, куски тиглей и шлака, оставшегося после литья меди и железа. Здешняя посуда не радовала взор изяществом: мелкие черепки некогда принадлежали сосудам, грубо сделанным на примитивном гончарном круге.

Бедняки строили себе дома с деревянными стенами и крышей из ветвей. Почти все жилые постройки дополнялись глубокими погребями. Подземная часть каждого жилища служила складом для продуктов и возможно, устраивалась в качестве укрытия. Из комнаты в него можно было спуститься по лестнице через квадратный или прямоугольный вход. Такое же отверстие имелось и внутри подвала, откуда хозяин при необходимости выходил прямо на улицу, поскольку в иберийских домах отсутствовали дворы.

Широкие (около 3 м) улицы ситаниев выгодно отличались от средневековых. В большинстве городов старой Испании, не исключая столичного Мадрида, промежутки между домами представляли собой утопанные земляные тропы, а жители Саламанки еще в древности ходили по тротуарам. Ровные, вымощенные круглыми камнями, они оборудовались мостками, по которым жители переходили улицу во время дождя.

Остатки древней крепости Саламанки

Сохраняя дружеские отношения с греками, иберы оказали резкое сопротивление карфагенянам. Особые затруднения захватчики испытали в III веке до н. э., когда вместо дипломатичного Гаструбала наместником в Испании стал непримиримый Ганнибал. Будучи сторонником жестких мер, великий полководец отвергал переговоры и подавлял восстания с помощью «наводящих ужас приступов», как охарактеризовал его тактику греческий историк Полибий. До того племени внутренней Иберии не знали чужеземного ига, поэтому карфагенским солдатам пришлось столкнуться с неукротимой энергией местных воинов, сражавшихся за свободу так же упорно, как захватчики утверждали свои права.

В «Истории» Полибия содержится подробное описание походов Ганнибала, и в том числе упоминается о захвате иберийского ситания, который на карфагенских картах обозначался как Гелмантика (лат. *Helmantica*). В 220 году до н. э. его жители увидели под стенами поселения большую армию и, предвидя поражение, пошли на хитрость. Они предложили врагу 300 талантов серебра и, кроме того, обещали предоставить столько же воинов после снятия осады. Демонстрируя покорность, местные хотели выиграть время для того, чтобы лучше подготовиться к обороне, возможно, при помощи соседей. Полководец согласился на предложение, но защитники неожиданно завязали бой. Сражение произошло у крепостной стены; как ожидалось, кельты проиграли, но ворота были близко и отряд без потерь отступил.

На следующий день Ганнибал повел войска на штурм, приказав использовать тараны и стенобитные машины. Вскоре осажденные согласились на мирные переговоры, и тогда уже карфагеняне, а не жители Гелмантики, стали диктовать условия сдачи. От защитников требовалось выдать оружие и, оставив имущество, покинуть город. На совете племени иберы сочли такой исход позором или просто не поверили врагам, однако посланникам ответили согласием, решив вновь применить хитрость.

Женщины города спрятали под плащами кинжалы, справедливо полагая, что обыскивать будут лишь мужчин. Когда условия были приняты, карфагеняне ворвались в город и начали грабежи. Во время ночного пира, вернув себе кинжалы, гелмантинцы перебили стражу, спокойно вышли за ворота и скрылись в ближайших горах. В этой схватке немалую роль сыграло героическое поведение женщин, которые у иберов сражались рядом с мужьями. В итоге положение войск Ганнибала оказалось весьма неприятным, поскольку отряды противника заняли удобную позицию в тылу.

Ганнибал

Спустя несколько месяцев карфагеняне повторили попытку, на сей раз решив захватить сразу два города. Борьба была значительна по масштабу, ведь за время, прошедшее с первого сражения, иберы успели организовать племенной союз. Тем не менее Ганнибал одержал победу, хотя не скоро и с большими потерями. Название Гелмантика закрепилось за мятежным селением навсегда, правда, римляне произносили его несколько иначе – Салмантика (лат. *Salmantica*). Современное название Саламанка появился уже в Средневековье, когда кельтское селение стало полноценным городом.

Римский мост на испанской реке

На рубеже тысячелетий кельтская столица была одним из пунктов Серебряного пути – дороги, по которой драгоценные металлы переправлялись из Иберии в Апеннины. Предоставив Саламанке роль перевалочной базы, римляне предотвратили упадок города и, возможно, спасли его от гибели.

С приходом цивилизованных захватчиков на улицах древнего ситания появились мостовые, дома квадратной формы, красивая лаковая керамика, таблички с латинскими надписями. О значении этого места можно судить по наличию монет: обычные металлические деньги в те времена ценились дороже серебра. Известно, что испанские кельты издавна вели его добычу в небольших масштабах для чеканки и сплава, сильно увеличив производство драгоценной продукции в римскую эпоху. Слитки серебра отправлялись римским наместникам в качестве подати. Гораздо меньшую значимость, по крайней мере для иберов, имело золото, которое добывалось на полуострове в малых количествах.

Сторожевая башня Клаверо. Гравюра, XIX век

Относившаяся к Испании борьба между Карфагеном и Римом вошла в историю под названием Второй Пунической войны. Сражения на землях иберов начались в 218 году до н. э. и продолжались около 20 лет. Военная удача обратилась в сторону римлян с момента, когда войска возглавил Публий Корнелий Сципион – смелый и решительный полководец, по таланту равный Ганнибалу, но имевший более организованную армию. Боевые действия проходили практически на всей территории полуострова, битвы следовали одна за другой, обе стороны сражались упорно, энергично, с поразительным искусством, невольно предо-

ставив потомкам обширный материал по истории военного дела. Римляне не просто выиграли войну, они уничтожили Карфаген как государство, обеспечив себе господство на Средиземном море, в Северной Африке и, конечно, в Испании, которая давно привлекла их своими богатыми недрами. Показав несомненное превосходство в боях, легионеры закрепили победу умной политикой по отношению к местным народам.

Римские завоеватели пытались привлечь туземцев на свою сторону с помощью обещаний и льгот, хотя сделать это было нелегко, учитывая дикий нрав и агрессивность иберов. Тем не менее под их знаменами собиралось много местных. По некоторым данным, рядом с легионерами, может быть на определенных условиях, служили мужчины Саламанки, одержимые боевой страстью и к тому же владевшие военными секретами карфагенян. Пользуясь помощью иберийских племен, Сципион действовал осторожно, предоставляя захваченным городам большие права, обещая независимость, правда, лишь в случае повиновения римским властям.

В 146 году до н. э. завершилась Третья Пуническая война и Рим стал хозяином Средиземноморья. С того времени для испанских народов начался отсчет новой истории, свободной от легенд и древних традиций, зато наполненной романтическим духом борьбы против иноземных захватчиков, длившейся полтора тысячелетия.

Ко времени образования Римской империи легионеры успели захватить большую часть Иберийского полуострова. Управление богатой, обширной, но крайне беспокойной окраиной требовало жестких мер и, конечно, порядка. С I века н. э. страна вечерней звезды территориально делилась на две большие части: Ближнюю и Дальнюю. Первая включала в себя восточное побережье и южные области, а вторая – центральные и северные. Немного позже населенные пункты юга полуострова были объединены под названием Бетика, восточные районы вместе с побережьем стали обозначаться как Таррагона, а западные, включая Саламанку, именовались Лузитанией из-за племени, издревле обитавшего в этих местах.

Римский мост

Легко поддерживая порядок на юго-востоке, римляне с трудом удерживались на внутренних территориях, где горы давали приют иберам, кельтам, лузитанам и другим воинственным племенам, не пожелавшим расстаться со свободой. В прибрежных районах возникали города, многие из которых становились военными, культурными либо коммерческими центрами. О расцвете римской Испании свидетельствуют остатки величественной архитектуры: мосты, водоводы, храмы, триумфальные арки, амфитеатры, надгробия с латинскими надписями. Устроенные римлянами дороги пересекали полуостров в различных направлениях. В качестве строителей выступали сами легионеры, если того требовала военная тактика, или рабы, значительную часть которых составляли помилованные мятежники.

В Саламанке от былого великолепия сохранился лишь Римский мост, примерно в 100 году до н. э. соединивший берега реки Тормес. Спустя 10–15 лет после возведения колоссальная постройка сильно пострадала от иберийского оружия, но к середине века была восстановлена на деньги некоего Антонино Пио. Можно предположить, что иных монументальных строений римляне здесь не оставили, хотя, став перевалочным пунктом на Серебряном пути, кельтский город имел важное значение. В развитии городского хозяйства важную роль играла река, в то время полноводная и проходимая для больших судов.

Главной приманкой для римлян были ископаемые богатства – железо, серебро и золото, но добыча руд требовала порядка и полного подчинения местного населения, чего не произошло даже после длительной, почти 200-летней борьбы. Вследствие нестабильной обстановки наместником в Лузитании был сам император. Жестокая эксплуатация подвластных территорий вызывала протест, приводивший к бунтам, наиболее значительным из которых стало восстание лузитан под предводительством Вириата в 147–139 годах до н. э.

В середине II века н. э. римляне стали полноправными владельцами Саламанки, где начали работать учреждения, сходные с римскими муниципалитетами; город управлялся по римским законам и все его постройки соответствовали античному стилю. Провинция была богата металлами и зерном, то есть тем, ради чего римляне пришли на иберийскую землю. Общины, добровольно покорившиеся Риму, утратили права на свое имущество, которое теперь рассматривалось как собственность империи. Размер подати устанавливался законом, но квесторы, видимо, забирали больше, вызывая тем недовольство местных.

Рудокопы. Рельефное изображение на камне

Покорность северных племен выражалась регулярными поставками монет, зерна и шерстяных плащей для армии. По достоверным сведениям, в 198 году н. э. по Серебряному пути было переправлено 50 тысяч фунтов серебра и немногим менее 2 тысяч фунтов золота. Относительно других металлов информация слишком противоречива, однако известно, что всеми рудниками, кроме золотоносных, владели частные лица, безусловно, иностранцы. При добыче свинца, железа, олова, меди, наряду с рабским, использовался труд свободных иберов, о чем поведал потомкам автор каменного рельефа из Лузитании.

Послушание общин вознаграждалось союзным договором, предоставлявшим некоторые права, например разрешение чеканить собственную монету. В Саламанке свои деньги не выпускались, но у римлян имелись основания хорошо обращаться с жителями города, через который шли потоки ценного груза.

С начала III века н. э. власти перестали пользоваться услугами иберийских наемников, зато потребовали от вождей направлять в римские войска целые отряды. Облик и снаряжение древнего испанского воина нетрудно представить, рассматривая статуэтки из саламанк-

ских гробниц. Выполненные из гранита, чаще грубой работы и к тому же плохо сохранившиеся, они явно создавались по трафарету. Изображенные воины были одеты только в удлиненные куртки, подпоясанные на талии. Вооружение составляли крепившиеся на правом боку укороченные мечи, кинжалы, неведомым образом державшиеся на животе круглые щиты и похожие на сабли кривые, тоже короткие мечи.

Фигуры на гранитной пластике изображались так, словно их ноги до щиколоток тонули в плите. В данном случае обувь увидеть нельзя, а возможно, ее и не было вовсе, ведь не случайно испанские художники золотого века всегда изображали римлян босыми. Именно такими видел завоевателей Эль Греко.

Каноны живописи XVI века не допускали реализма, и мастер, взяв для картины «Мученичество святого Маврикия» библейский сюжет, не собирался нарушать правила. Однако в образах фиванского полководца и его соратников присутствуют черты иберийских вождей: именно их, а не чужаков, сделал главными героями великий испанский живописец. В отличие от гранитных бронзовая пластика имеет более четкие формы. Здесь вооруженные кривыми мечами воины представлены в тех же длинных куртках. Их головы покрывают каски с гребнями, тела обвивают портупей, а в свободных от оружия руках – большие чаши для Святых Даров. На отдельных фигурах шлемы отсутствуют как, впрочем, и одежда: напоминающая картину Эль Греко, обнаженные воины держат щит и кривые мечи поперек тела. В особую группу следует выделить бойцов, по греческой традиции облаченных в плащи; оставляя открытым одно плечо, все они удерживают копье правой рукой, тогда как их круглые щиты подвешены за спиной.

Эль Греко. Мученичество святого Маврикия (Разговор полководца Маврикия с римскими военачальниками). Фрагмент, 1582

Прически на многих скульптурах представлены двумя косами, откинутыми по разные стороны плеч. Большинство иберийских солдат пешие, однако некоторые восседают на гор-

боносых конях, хорошо известных в древности и едва не исчезнувших как вид. Разведением знаменитых лошадей в средневековую эпоху занялись монахи Андалусии, в честь которой порода получила официальное название – андалусская.

Если верить римским историкам, в 300 году н. э. вокруг Саламанки появилась крепостная стена, достаточно высокая и надежная, несмотря на то что строители использовали материалы ранних сооружений. В 411 году Саламанка перешла во владение рода Аланов (от исп. *de los Alanos* – «Бульдоги»), получивших Лузитанию после раздела римских провинций. Однако через несколько лет в городе вновь поселился римский наместник: вернув провинцию, посланник императора автоматически обрел господство над жителями ее главного города.

Междоусобная борьба иберийских племен и особенно столкновения с иноземными захватчиками вынуждали местное население постоянно расширять производство оружия. На полуострове неуклонно росло число предметов вооружения, изменялись и пополнялись новинками их виды.

Главным элементом снаряжения воина-ибера, конечно, был меч. Второстепенными, хотя не менее нужными, являлись кинжалы, разнообразные ножи, пики, дротики, стрелы, пращи, различные метательные снаряды, пускаемые из самострелов типа катапульт. Свое тело предки испанцев защищали такими обычными для античной армии предметами, как шлем, кираса, щит, поножи. Всадникам, помимо того, требовались подковы для лошадей, шпоры и удила, производство которых было связано с военным делом.

Иберийские древности: а – кинжал; б – колющий меч gladius hispaniensis; в – фальката; г – медная статуэтка

Три вида иберийских мечей включали в себя прямое – длинное и короткое – оружие, а также кривые клинки под названием «фальката». Вооружение двух первых видов имело расширенный к центру клинок, таинственные выступы, напоминающие пуговицы, рукоятку, покрытую серебром и окантованную узорами в виде лент. Короткие (30–40 см) мечи стали применяться в VI веке, когда испанские кузнецы освоили техникуковки. Клинок в этом случае крепился к усикам, которые затем загибались и дополнялись шариками на концах. Рукоятки изделий подобного рода богато украшались медью, серебром или костью. Ножны мастера того времени выполняли из дерева, для крепости обитого железом. Особенностью короткого меча являлись два кольца, необходимые для крепления на животе в косом положении, как представлялось на скульптурах.

Острые концы длинных (50–80 см) мечей позволяли не только рубить, но и колоть врага, что свидетельствует не только об эволюции, но и о совершенстве иберийского военного дела. Известно, что подобное оружие составляло главную техническую единицу в армии Ганнибала, когда тот совершал поход на Рим. Позже конструкцию колющего меча заимствовали римляне, у которых он стал называться «*gladius hispaniensis*» («испанский меч»).

Тем не менее наибольшую известность приобрела фальката – наступательное оружие, грозная сила в руках умелого воина. Кривой меч длиной 40–60 см использовался народами Иберийского полуострова на протяжении пяти веков. Такими мечами сражались жители древней Саламанки, с которыми не справлялись армии цивилизованных стран. По словам греческого историка Диодора, в то время не было «щита, шлема или кости, способных про-

тивостоять удару фалькаты». Важную часть вооружения древнего испанского воина составляли кинжалы. Их чаще носили в ножнах, подвешивая, подобно мечам, на двух кольцах. Достигая 20 см в длину, клинки могли дополняться приспособлениями для захвата рукой, а также снабжались усиками или шариками на концах рукоятки, если таковая имелась. Кельтские мастера собирали ножны из бронзовых пластин с орнаментом, завершая свое творение тем же шариком, иногда расплюснутым наподобие пуговицы.

Легкие дротики из железа иберы заимствовали у кельтов. Именно этот вид оружия имел в виду Тит Ливий, упоминая о *phalarica*, наводившем страх на солдат Ганнибала. Страбон рассказывал, что население Лузитании сражалось только дротиком, мечом и пращей, для последней используя сначала круглые камни, а затем литые свинцовые снаряды, заостренные на концах.

Управляя подневольной провинцией, римлянам пришлось столкнуться с могущественными и стойкими племенами, всегда выражавшими недовольство с помощью оружия. Восстания вспыхивали часто, распространялись быстро и подавлялись с большим трудом. Ливий отмечал, что борьба с иберами представляла для его соотечественников гораздо больше трудностей, чем Пунические войны: «Взбунтовавшиеся города защищали не только мужчины и женщины, но и дети, отдавая свыше душевных и телесных сил. Едва державшиеся на ногах младенцы подавали стрелы, носили на стены камни тем, кто воздвигал укрепления. Дикари шли на врага, ослепленные яростью, с безрассудной отвагой, открывая грудь ударам оружия».

По словам того же автора, во время захвата одного из лузитанских поселений, возможно Саламанки, «произошла позорная резня, когда иберы-воины начали избивать своих, набросившись на беззащитную, безоружную толпу женщин и детей. Они бросали в костер полуживые тела, и потоки крови гасили пламя; после этого, утомленные жалости достойным деянием, изверги в полном вооружении сами бросились в пламя. Римляне подошли, когда все было кончено. При первом взгляде на отвратительное зрелище они остолбенели на минуту от удивления. Но затем по врожденной жадности захотели выхватить из костра расплавившееся в куче других вещей драгоценности, были объаты пламенем, задохнулись от дыма, так как напиравшие сзади соратники не давали передним возможности отступить. Город был уничтожен огнем и мечом, не доставив добычи победителям...».

Поединок. С гравюры XVI века

Еще в середине прошлого века некоторые европейские историки утверждали, что жители современной Испании хранят в себе черты диких предков. По мнению Л. Арагуистена, «вся страна является обширным и живым Британским музеем, где поныне продолжают существовать обычаи, привычки, институты древних времен». К таковым автор относит испанские дуэли XVI века, когда противники, желая довести спор до кровавого конца, держали оружие в обеих руках, дополняя шпаги кинжалами.

Господством иберийского духа, по его мнению, объясняются такие пороки местного общества, как бедность и отсутствие всеобщей грамотности. В качестве доказательства он указывает на то, что определенная часть испанских горожан обитает в пещерах, таким образом проявляя солидарность с давно почившими соотечественниками. «Современные жители этих провинций, — пишет Арагуистен, — бессознательно продолжают пещерные традиции, восходящие к людям Гелмантики». Отсутствие юмора не позволяет автору задуматься, почему ни один состоятельный испанец, как бы он ни был пронизан иберийским

духом, не живет в пещере и почему в «дикой» Испании почти тысячу лет действует один из лучших в мире университетов.

Salmantica

В V веке единая Римская империя пала под напором германских племен, и в Западной Европе образовался ряд варварских королевств. Самым могущественным и обширным оказалось государство вестготов, в свое время занимавшее почти весь Пиренейский полуостров. К тому времени они успели разорвать дружескую связь с императором и разгромить родственные себе союзы, например свевов, занимавших Саламанку в 438–456 годах.

Первые вестготские короли не наследовали трон, а избирались, точнее, выдвигались знатью в ходе междоусобной войны. Варварские правители редко умирали естественной смертью; в большинстве случаев смена престола происходила в результате заговора, и новый владыка обретал власть, жестоко расправившись с предшественником.

Эпоха вестготов мало повлияла на облик города. Стоявшие на низком уровне развития, германцы редко проявляли самостоятельность в культуре. Созданные ими постройки не представляют художественной ценности, поскольку являются копиями сооружений Рима, тогда находившегося под воздействием Византии. За три века правления вестготов в Саламанке появилось всего несколько церквей и жилых домов в романском стиле. Главной среди них была резиденция епископа, построенная в 589 году для отца Леутерио. Став первым официально объявленным епископом Саламанки, он считался вторым духовным лицом государства после патриарха, обосновавшегося в Толедо. Светские здания вестготов отличались полным отсутствием украшений и грубой кладкой стен, возводившихся из необработанного камня. Гораздо большее внимание уделялось святилищам, перекрытиями в которых служили деревянные настилы, закрепленные на балках из огромных бревен. В редких случаях романские строители решались на сложные коробовые своды, полуциркульные арки, чаще дополняя свои произведения колоннами коринфского ордера, реже скульптурой, где старание преобладало над мастерством.

Окрестности Саламанки

По немногочисленным остаткам архитектуры облик той далекой эпохи воссоздать трудно, хотя можно вообразить, что однажды попытались сделать художники испанского Ренессанса. На картине знаменитого мастера Алонсо Кано вестготские короли очень похожи на монархов XVII века. Увенчанные коронами, держащие в руках скипетры, герои восседают в креслах, явно не относящихся к смутным временам Великого переселения народов. Вероятно, здесь в качестве моделей выступали актеры, представлявшие живую картину для принца Балтазара-Карлоса, чьим учителем рисования был автор этой забавной композиции.

Алонсо Кано. Вестготские короли. XVII век

Пока варварские короли истребляли друг друга в междоусобных войнах, арабские халифы ожидали момента, чтобы захватить богатую серебром иберийскую землю. Неожиданный случай представился в 711 году, когда арабы, воспользовавшись предательством вестготского аристократа, высадились на юге полуострова. Армию мусульман возглавлял Тарик бен Саид, в честь которого гора на берегу Геркулесовых столбов, как и сам пролив, получила название Гибралтар. Ослабленное внутренними раздорами, королевство не имело сил противостоять внешнему врагу. После громкой победы при Херес де ла Фронтера арабы двинулись на север, попутно захватывая города, как правило, уже разграбленные отступавшим противником. В 713 году они вошли в Саламанку, где не встретили ни сопротивления, ни радости жителей, уже не имевших сил для защиты. Всего через 5 лет после высадки им принадлежал весь полуостров, кроме небольшого участка на севере.

В горах Астурии теплолюбивые завоеватели вести войну не захотели, и на самой окраине погибшей державы появилось новое государство, но уже не готское, а испанское. Первый его правитель Пелайо считается родоначальником королей Кастилии – освобожденной от мавров области Испании, куда позже вошла Саламанка, так и не ставшая мавританской. Под гнетом мусульман город находился недолго, поэтому следы арабской культуры здесь

остались лишь в трудах ученых. Немногие из сохранившихся построек того времени имеют характерный романский вид: толстые стены, грубая каменная кладка, окна-амбразуры, аскетизм в декоре или полное отсутствие украшений.

В 750 году дом арабского наместника занял испанец, гордый, храбрый и решительный король Альфонс I. Несколько сотен горожан с радостью приняли короля-христианина, который, впрочем, осчастливил их только своим видом. Войдя в город, он нашел за крепостными стенами полную разруху, и его недолгое проживание никак не отразилось на благополучии горожан. С приходом испанцев война для них все еще продолжалась: в течение нескольких десятилетий Саламанка переходила от одного правителя к другому, и каждый из них, устанавливая собственные порядки, ничего не привносил ни в культуру, ни в экономику.

Романская архитектура Саламанки

Город, казалось, доживал последние дни, но продержался столетие, пока этим районом не завладел Ордоно I; при нем горожане впервые почувствовали заботу властей. Некоторое оживление, по крайней мере в строительстве, началось в связи с тем, что новый хозяин решил обосноваться в Саламанке надолго, отчего постарался придать ей видимость королевской резиденции. По его приглашению в пустынную долину Тормес прибыли первые переселенцы. Люди, покинувшие свои дома после прихода арабов, устраивались вблизи города, строили деревни, возделывали поля, давая горожанам еду и нередко работу.

В 939 году король Кастилии Рамиро II продолжил заселение, итогом которого стало увеличение числа жителей Саламанки. После четырех десятилетий покоя и благоденствия им опять пришлось достать оружие, поскольку в долину Тормес во главе большой армии вошел арабский полководец Альмансор. После недолгого сопротивления саламанкцы сдались, но после ухода мавров территория фактически осталась испанской. Однако формаль-

ные хозяева время от времени подтверждали свои права кампаниями, которые продолжались в течение 11 лет, вплоть до смерти Альмансора.

В начале XII века Саламанкой владел кастильский король Альфонс VI. Его зять, Раймунд де Боргона, вновь заселил опустевший город, пригласив беженцев из мавританских районов. Тогда же территория бывшего ситания разделилась на 7 кварталов и в каждом был устроен приходской храм. Возведенные в тяжелом романском стиле, почти все эти церкви сохранились до нашего времени, правда, в сильно измененном виде. В том же столетии новая крепостная стена окружила город, а высокая каменная ограда с 13 воротами – резиденцию епископа.

Роль архитектуры, особенно культовой, в те времена была очень велика, ведь искусство служило проводником христианских идей. Возвышаясь над городом, храм своим величественным видом напоминал о Боге, вдохновляя народ на священную борьбу с неверными. К сожалению, строители раннего Средневековья не отличались мастерством, редко давая волю фантазии в отношении конструкции либо отделки.

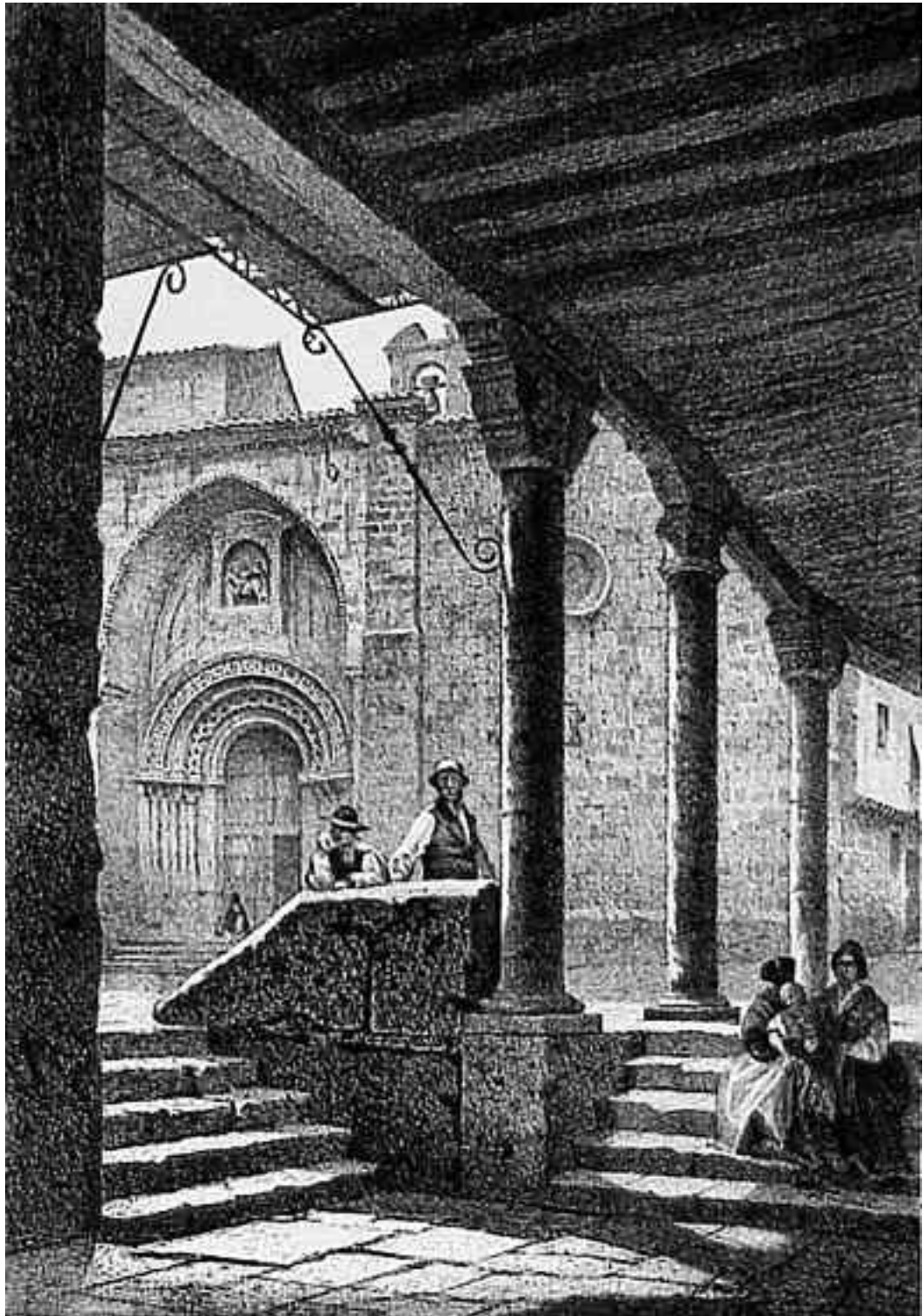

Испанская знать в лагере. С рисунка XIII века

Испанские зодчие тогда еще не умели выявлять назначение постройки, поэтому применяли одинаковые планы к светским и культовым зданиям. Большинство сооружений, не исключая оборонительных, возводилось с использованием разметки и материалов предыдущих эпох. В Саламанке романские дворцы почти не отличались от храмов, возводившихся по типу византийских базилик. В конце тысячелетия испанская архитектура начала приобретать национальные черты, возникшие в ходе Реконкисты – восьмивековой борьбы местного населения с маврами. В целях обороны свободные крестьяне собирались в общины (бегетрии), вольные города направляли представителей в кортесы, таким образом принимая участие в управлении государством. В период Реконкисты складывалась испанская нация, формировались ее законы, обычаи, культура. Тогда же огромное влияние приобрела церковь, которая в определенный момент перестала довольствоваться тесными святилищами вестготов.

В 1150 году испанский летописец занес в хронику замечательное событие: в Саламанке началось строительство собора. Незадолго до торжественных мероприятий по поводу открытия перед воротами главного храма города была установлена статуя покровительницы Саламанки – Девы Марии де ла Вега.

Вместе с собором в городе были построены приходская церковь Святого Мартина и храм, в 1202 году освященный в честь евангелиста Марка.

Церковь Сан-Мартин. Гравюра, XIX век

С исчезновением демократических институтов, на которых держалось управление средневековыми городами, муниципальная власть перешла в руки тех, кого в документах называли словом «*poderosos*», что в переводе с испанского означает «могущественные люди». Ими являлись купцы, руководители ремесленных корпораций, представители городской аристократии, жившие на доходы с местных земель. Эпоха Возрождения, по времени совпавшая с устройством американских колоний и притоком драгоценных металлов, всюду была отмечена строительной лихорадкой, как известно, сопутствующей избытку денег. Во

всех городах Кастилии центром общественной жизни была Главная площадь (исп. Plaza Mayor), обычно в форме замкнутого прямоугольника.

Первый (Старый) собор Саламанки

В Саламанке ее облик сформировался лишь в XVIII веке, а до того это место имело не слишком притязательный вид, оживленный открытыми галереями жилых домов и гербами на фасаде муниципалитета. Здания, украшенные символикой и эффектными архитектурными деталями – галереями и аркадами, часто встречались на прилегающих к площади улицах. В близлежащих к центру кварталах располагались мастерские, сгруппированные по выпускаемому товару. Четкая специализация отражалась и в названиях: улица Ювелиров (исп. Rua Plateria), улица Шелкоделов (исп. Rua Sederia), улица Белошвеек (исп. Rua Lenceria).

Вокруг центрального квартала с красивыми, значительными, высокими зданиями простирался остальной город, где в неказистых домах проживала большая часть населения. Хибары бедняков не радовали взор ни величиной, ни отделкой. Одноэтажные и однокомнатные, они строились из самана или старого кирпича, ведь камень все еще оставался дорогим, а следовательно, доставался знати. Впрочем, саламанкские богачи тоже скупались на материал. Дома зажиточных горожан привлекали пышными фасадами из камня и часто разочаровывали с обратной стороны. Если войти во внутренний двор, то станет очевидно, что постройка сложена из глины и лишь снаружи оформлена каменными плитами.

Луис Далмау. Городские советники. 1445

Среди жалких лачуг тянулись улочки, представлявшие собой просто утопанные тропинки. Летом проходившие по ним задыхались от пыли, а зимой, когда ливни превращали город в сплошную трясику, годились разве что для передвижения на ходулях. Можно сказать, что в средневековой Саламанке, не отличавшейся от других населенных пунктов Кастилии, соединялись город и деревня. Сады и поля, пересекавшие улицы окраин, занимали большую часть городского пространства. Даже сами горожане, точнее, обитатели бедных кварталов, были сельскими поденщиками, в действительности, принадлежавшие сельскому миру.

Важные постройки города почти не выделялись среди обычных жилых домов. Маленькие окна вместо стекол прикрывала промасленная бумага, из-за которой в комнатах даже в солнечный день царил полумрак. Однако каждый домовладелец старался прикрыть все окна в доме решетками. Простые или узорчатые, такие ограждения служили, конечно, не в целях эстетики, а являлись защитой от бродяг и дерзких ловеласов. Цены на дома в центре города всегда были очень высоки, поскольку из-за наплыва приезжих Саламанка постоянно испытывала жилищный кризис.

Наряду с прочими недостатками, дома средневековой Саламанки не имели отхожих мест, поэтому горожане справляли нужду в специальные горшки, которые затем опорожняли прямо из окна или с балкона. Мусор хозяйки выбрасывали за порог, а помои выплескивали в распахнутую дверь, не утруждая себя заботой о тех, кому не посчастливилось в тот момент оказаться рядом. Судя по литературным произведениям, жертвами зловонных сюрпризов чаще становились не злодеи, а порядочные кавалеры, исполнявшие серенады под окнами своих возлюбленных.

Удобная для хозяев и весьма неприятная для прохожих практика время от времени регламентировалась: опорожнение могло производиться только ночью, когда на улице не было никого, кроме грабителей и загулявших студентов. Их можно было бы не жалеть, однако власти все же издали указ, где горожанам предписывалось производить вышеназванную процедуру в определенном порядке. Опорожнять ночные вазы разрешалось в назначенные часы и, прежде чем выплеснуть содержимое, человеку предписывалось крикнуть: «*Agua va!*» (Вода!). Впрочем, ограничения не меняли конечного пункта отходов. Городские улицы ежедневно наполнялись тоннами нечистот; зимние дожди превращали их в смердящую грязь, а летом солнце превращало ее в пыль, уносившуюся к берегам Тормес. Растения, имевшиеся в каждом дворе, истребляли вонь в компании с мощным кастильским ветром.

Положение резко изменилось после того, как некто неизвестный, скорее всего, испанский ученый, высказал мысль об учреждении в городе высшей школы. К счастью, старый король идею поддержал, а его молодой преемник сумел воплотить задуманное в жизнь.

В 1218 году знаменитый Саламанкский университет (исп. *Universidad de Salamanca*) начал действовать, с тех пор не утратив славу одного из лучших учебных заведений Европы. Благодаря ему древний город процветал: увеличивалось число жителей, строились церкви, дворцы знати, богатые дома профессоров, корпуса колледжей и монастырские кельи. Средневековая Саламанка, как принято называть и сам город, и его университет, являлась местом встречи ученых. Во времена испанского Ренессанса сюда часто приезжали королевские особы и знаменитости, пребывание которых отражалось в названии улиц и площадей. Так, на площади Колумба (исп. *Plaza Colon*) торжественно возвышается статуя бывавшего здесь Христофора Колумба с эффектно поднятой рукой, обращенной в сторону Америки.

Университет в Саламанке

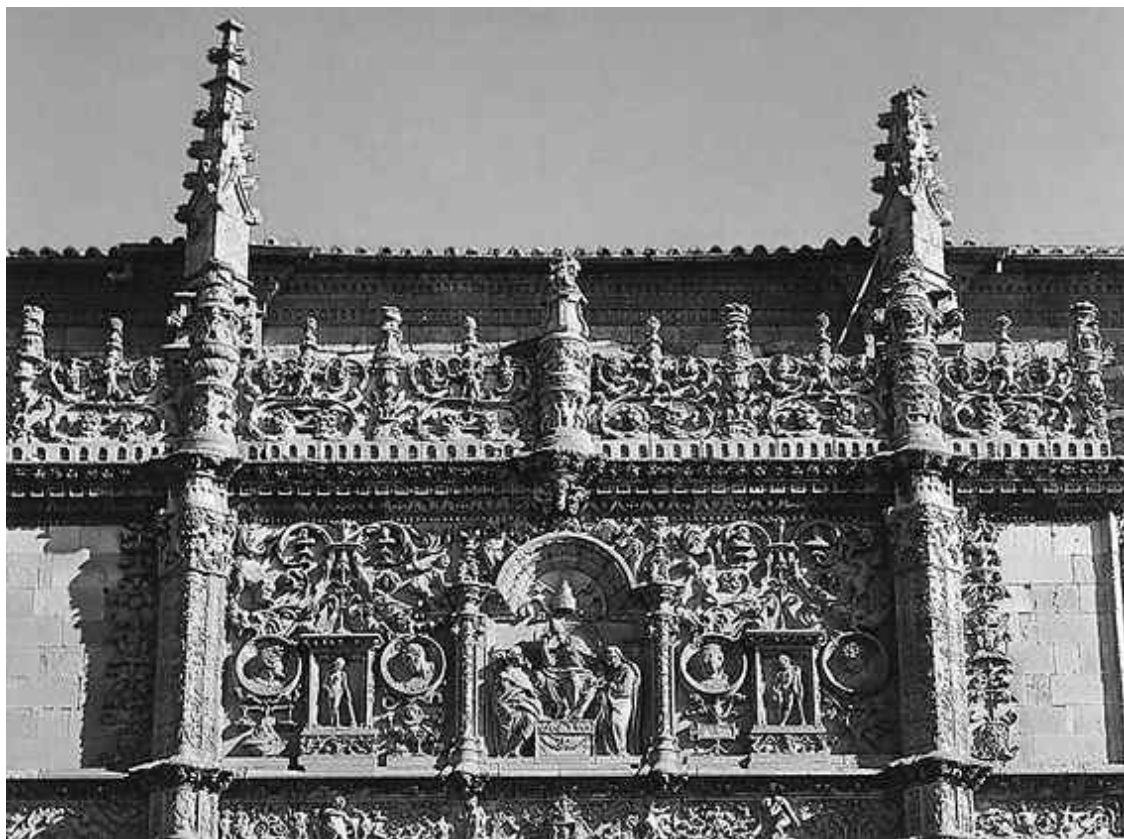
Прекрасный фон скульптуре создают ренессансные постройки – жилые дома, дворцы и особенно крепость XV века, построенная в пышном стиле изабеллино. Название этой художественной манеры происходит от имени кастильской инфанты Изабеллы, обвенчавшейся с арагонским принцем Фердинандом в погожий зимний день 1465 года. Тогда собравшаяся у собора публика не подозревала о своей причастности к событию более значительному, чем свадьба. Кто бы мог подумать, что спустя несколько лет супруги станут правителями единой, свободной от арабов Испании, завладеют далеким континентом и войдут в историю с почетным званием Католические короли.

Неоднозначная политика Фердинанда и Изабеллы, представлявших сильную монархию, вначале опиралась на демократические силы. Их помощниками на пути к неограниченной власти были союзы городов, бегетрии, обедневшие, не отягощенные титулами аристократы. Создав новую систему управления, короли обезоружили высшую знать, отняв у нее такие привилегии, как право чеканить монету, раздавать земли, формировать отряды, по численности сравнимые с королевской армией. Осуществив эти мероприятия, они направили силы против главного врага – мавров, в 1492 году изгнав их из Гранады, а затем и вовсе выдворив из страны. Одержав победу, они уничтожили вольности городов, вернули отнятое у дворянства, но главное – избрали своей опорой церковь. Не прошло и десяти лет после окончания Реконксты, как в стране появилась инквизиция. Религиозный фанатизм мешал приобщению Испании к мировой культуре. В то же время открытие Нового Света способствовало упадку средневековой морали, поэтому искусство и наука все же развивались. В архитектуре еще удерживалась готика, но мастера, увлеченные идеями Возрождения, стремились к новым формам. Если в живописи это выражалось желанием ярче и полнее воспроизвести окружающий мир, изобразить реального человека, то в зодчестве итогом новаторства стали невероятно сложные здания, в которых вначале наблюдалось лишь фантастическое смешение стилей.

Католические короли Фердинанд и Изабелла. Гравюра, XVI век

В пору правления Фердинанда и Изабеллы испанская архитектура переживала пышный расцвет. Короли, знать, могущественные прелаты церкви строили для себя и дарили городам великолепные дворцы, храмы, капеллы, коллегии, госпитали. Невероятной роскошью отличались гробницы. Благодаря приглашенным из Франции, Италии, Германии мастерам в городах Испании появились постройки в стиле пламенеющей готики, уже давно захватившей искусство Северной Европы. Изучая местную архитектуру – арабские крепости, романские храмы, щедро украшенные резьбой ретабло – приезжие мастера принимали во внимание их особенности, в результате сыграв немалую роль в формировании чисто испанского стиля платереско (от исп. *platero* – «ювелирное искусство»).

Фасад Саламанкского университета – характерный образец стиля платереско

Конструкция вновь построенных зданий оставалась готической, но оформление, наряду с привычными орнаментами, включало в себя ренессансные элементы и геральдику, принадлежащие основателям или владельцам. Дворцы и храмы теперь сооружались не из старого мавританского кирпича, а из камня, чаще мрачного серого или золотистого, как саламанкский песчаник, цвета. В архитектуре платереско наибольшее внимание уделялось оформлению фасада с обилием филигранного декора, который выглядел так, словно возник безо всякого плана, просто по прихоти мастера. За великолепными стенами скрывались столь же роскошные интерьеры. В огромных залах и уютных покоях мотивы пламенеющей готики сочетались со стрельчатыми и мавританскими арками, звездчатыми нервюрами, кар-

низами, отделанными сталактитами – декором, возникшим в мавританской Испании и получившим распространение в других европейских странах, прежде всего в Англии.

На стенах, поднимавшихся на головокружительную высоту, в массе сплошных узоров и высоких рельефов едва виднелись установленные на кронштейнах статуи святых. Еще более эффектным дополнением служили огромные фигуры геральдических зверей и птиц: гибкие львы на карнизах, орлы с распростертыми крыльями, держащие короны. Связки стрел, символизирующие единство державы, соседствовали с раковинами – знаком святого Иакова, покровителя страны, которого испанцы называли Сантьяго. Бесчисленные статуи святых, мелкие орнаменты подчеркивали благородство скульптурных гербов и были призваны олицетворять силу государства, открыто напоминая о его верной спутнице – католической церкви.

Старый и Новый

Религиозность испанцев кратко характеризуют противоположные по смыслу, но дополняющие друг друга термины «святой» и «грешник». Католическая вера неотделима от мятежной испанской души, но в ее искренности можно усомниться, особенно если наблюдать здешнюю жизнь глазами иностранца. «В своих молитвах они чрезвычайно пылки, – писал французский путешественник Б. Жоли. – Меня чрезвычайно тронули такие вещи, как неистовость выступающих с кафедры священников, а также постоянные вздохи женщин, громкие и страстные, отвлекающие внимание от проповеди».

Религиозный пыл в Испании непостижимым образом сочетается с формами выражения, казалось, несовместимыми с принципами христианской веры.

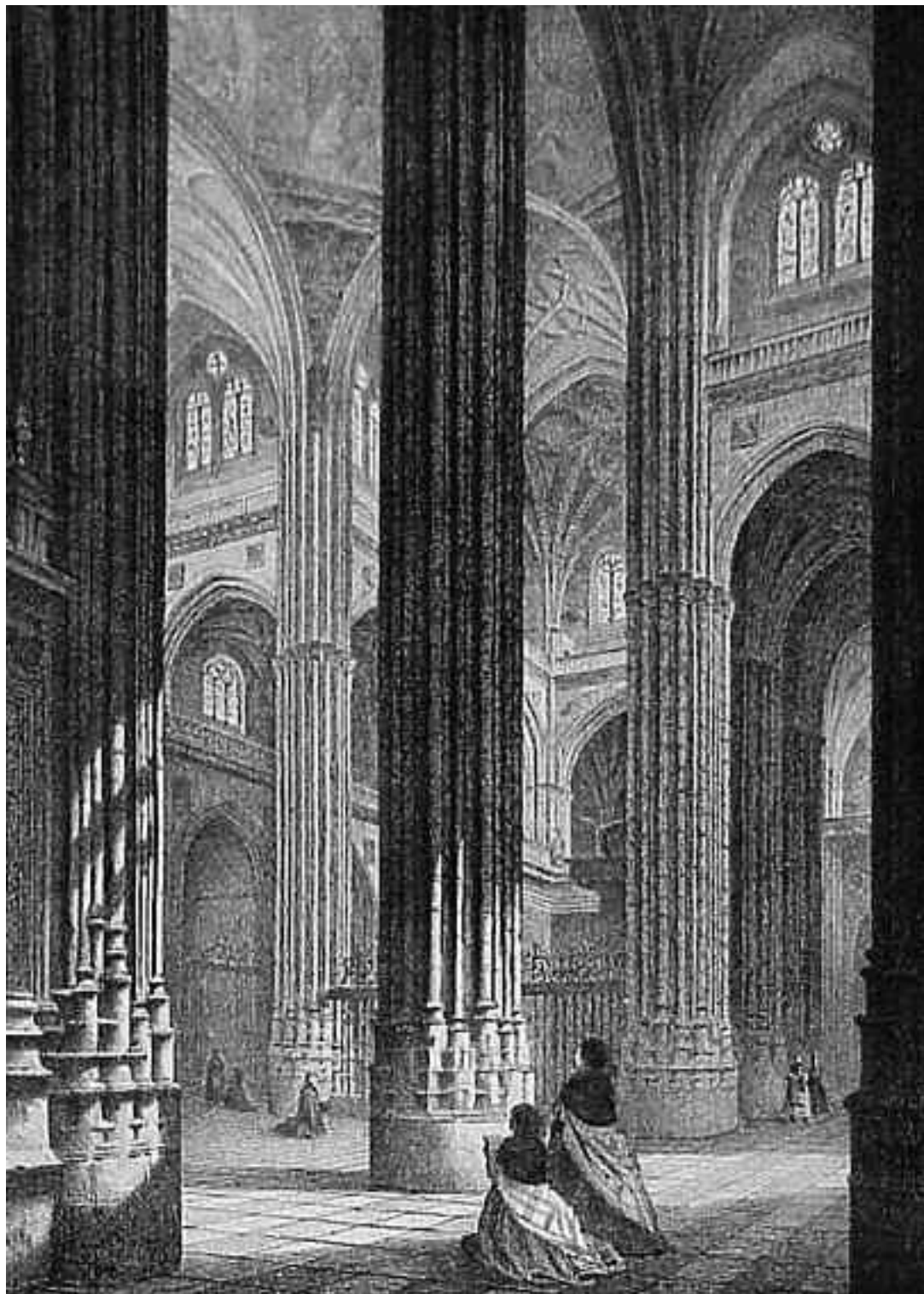
Со времен утверждения инквизиции ненависть к еретикам, или даже к тем, кто сомневался в правильности католицизма, стала главной чертой испанской религиозности, где фанатизм считается нормой. По сравнению с отступничеством деяния грешника выглядят малостью, которую легко искупить, например, индульгенцией, исповедью или постройкой храма.

Старый кафедральный собор. Гравюра, XIX век

Возведение первого в Саламанке кафедрального собора началось вскоре после освобождения города от мавров в 1120 году и продолжалось почти столетие. В конце XV века местный университет обрел популярность, население города из-за притока студентов увеличилось, поэтому власти решили подарить горожанам еще один собор. Мечты о нем тревожили местное духовенство с момента взятия Гранады и последовавшего затем изгнания арабов из страны. После них, в том же 1492 году, Испанию покинули евреи, а в начале нового века состоялась первая официальная перепись населения Саламанки, в которой, как оказа-

лось, проживало 18 489 человек. Второй собор, непритязательно названный Новым, отличался большими размерами и более роскошным декором. Его резные стены и купола возводились с перерывами в течение двух столетий, и в 1733 году великолепный храм был наконец освящен. Торжественное открытие нового кафедрального собора сопровождалось пышным многодневным празднеством.

Интерьер Старого собора. Гравюра, XIX век

Ввиду длительности работ первый храм, с того времени именовавшийся Старым, стал воплощением смелой архитектурной мысли, где желание соблюсти привычный романский

стиль медленно подавлялось мечтой о готике. Новый собор начинал строиться по канонам искусства Возрождения, а завершился каменным кружевом барокко, тогда еще не признанного полноценным стилем. Таким образом, расположенные близко друг к другу храмы невольно демонстрировали различные архитектурные стили. Их плавный переход от одного к другому заметен издали: место напротив главного храма в 1401 году занял готико-ренессансный дворец епископа Диего де Алая Малдонадо, в честь которого назван не только дом, но и вся площадь. До настоящего времени от старых стен этого здания сохранились только фрагменты. Сильно пострадав от времени, он был перестроен в XVIII веке одним из представителей известной семьи зодчих и скульпторов Чурригера. Все пять братьев были способными художниками, но проявить себя в полной мере сумели только трое: Хосе Бенито, Хоакин и Альберто. Оставив шумный Мадрид, в конце XVII века они обосновались в Саламанке, украсив свою вторую родину великолепными барочными зданиями. Выработанная ими манера не копировала популярный стиль. Испанское барокко, иначе именуемое чурригереско, уходит корнями в национальное искусство, унаследовав от платереско принцип наложения на плоскость стены измельченного декора, похожего на отделку ювелирных изделий. Буйная фантазия братьев была направлена в основном на фасады, сплошь заполненные вычурным орнаментом: изогнутыми карнизами, витыми колоннами, гирляндами, раковинами, консолями, виноградными лозами, медальонами, гербами, лентами, разнообразной формы отверстиями. Главным элементом барочной композиции являлся портал, своей пышностью оживлявший строгие стены.

Новый кафедральный собор

В 1714 году Хоакина Чурригера назначили главным архитектором собора, и в этом качестве он продолжил создание купола, начав работу над ансамблем хоров. Его младший брат Альберто Чурригера занимался только внутренним убранством. Трудлюбивый мастер, одаренный декоратор, превосходный рисовальщик, он оставил после себя богатое наследие, и главным его произведением стала центральная площадь Саламанки. В Новом соборе самой яркой работой Альберто признается позолоченный алтарь «Христос сраженный» (исп. Cristo las Batallas). Место священного культа украшает огромное Распятие из

раскрашенного дерева. Согласно преданию, некогда оно принадлежало легендарному воину Реконкисты Сиду Кампеадору. Алтарная композиция создавалась по примеру португальских барочных алтарей: распятие на ступенчатом пьедестале в глубокой нише, таинственный сумрак, который не рассеивается, а напротив, усиливается блеском золота в скульптурном убранстве сооружения.

Созданный Хоакином купол был разрушен лиссабонским землетрясением, но в 1755 году восстановлен с небольшим изменением в верхней части. Едва взглянув на фасады обеих церквей, неискушенный зритель может испытать легкое потрясение. Вдохновленные платереско, камнерезы постарались над филигранным рисунком карнизов, виртуозно изобразив библейские сцены Рождества, Распятия, Явления Христа народу. В интерьере собора первыми обращают на себя внимание гигантские хоры с рядами резных, украшенных скульптурами скамей. Не менее впечатляющи фрески в нишах с гробницами архиепископов, щедро украшенные золотом алтари. В капеллах выставлены живописные и пластические композиции, созданные в XIV–XIX веках. Капеллу Доре украшают готические скульптуры и рисунки на асулехос (разновидность изразцов). Капелла Сан-Мартин, расположенная справа от главного входа, тоже предоставляет возможность насладиться искусством готики, на сей раз в виде фресок.

Купол Нового собора. Фотография начала XX века

Капелла Сальвадор привлекает своими мавританскими арками, тогда как небольшая часовня Санта-Барбара, скромная с точки зрения искусства, имеет интересную историю. В эпоху Средневековья сюда часто наведывались университетские профессора, выбиравшие себе коллег весьма необычным, хотя и традиционным для Испании способом. Назначив кандидата, например в доктора теологии, почтенные мужи запирали его в тесной капелле на целые сутки, и если человек выдерживал это испытание, ученые тут же начинали другое, заключавшееся в опросе по предмету. В случае удачи на выходе счастливица встречали аплодисментами, а провалившего экзамен ожидали брань и плевки.

В средневековой Испании трудно было найти хотя бы один аспект общественной жизни, не контролируемый церковью. Благодаря фанатичной религиозности населения духовенство играло роль, сравнимую со значением монархии. Однако именно церковная, а не светская служба обеспечивала карьеру, правда, только для истинных испанцев, хотя и не обязательно благородного происхождения. Не имея дворянского звания, образованный человек мог стать каноником, либо получить приход и далее подниматься по социальной лестнице. Некоторые особы таким образом проникали в государственные департаменты, порой достигая высоких постов. Возлагая надежды на детей, даже крестьяне шли на жертвы, собирая им средства на учебу в университете.

По словам епископа Бадахоса, «в XVII веке религия превратилась в один из способов заработать себе на жизнь, и многие обращались к ней так же, как могли бы заняться любым другим ремеслом».

Роспись купола Нового собора

Сейчас посетители проходят в капеллы через внутренний двор – клуатр, с XVIII века принадлежащий и Новому, и Старому соборам. Примыкающая к последнему башня Петуха построена в 1163 году, когда многие архитекторы венчали свои творения византийскими куполами. Создатель главного храма Саламанки не пожелал выделяться среди коллег, но, в отличие от них, немного увеличил принятую высоту купола, тем самым придав ему изящ-

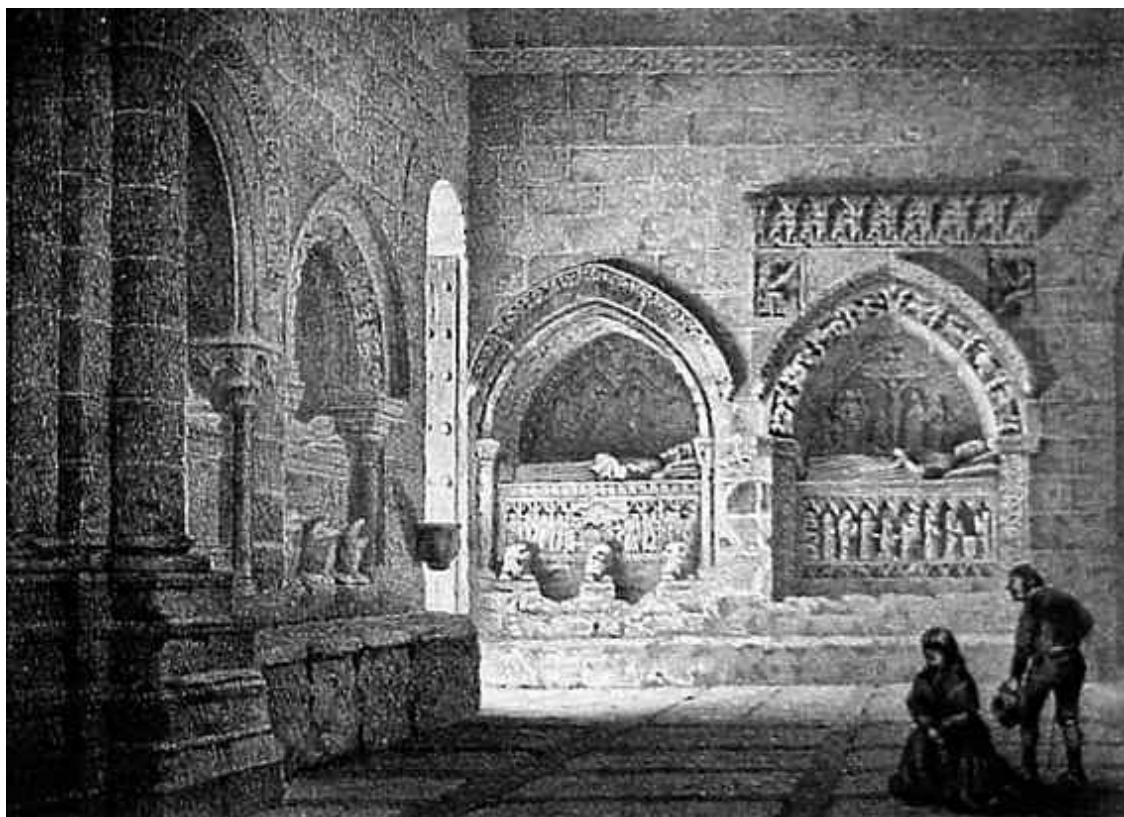
ный вид. Тишина внутри собора напоминает о вечном покое; мягкий свет проникает через купол, освещая главное сокровище храма – ретабло, как в испанской архитектуре именуется огромный, достигающий до потолка иконостас позади алтаря.

Каноник. Гравюра, 1843

В Саламанке он составлен из 53 великолепных композиций работы известного итальянского мастера Н. Фьорентино. Фантастическое по красоте и формам сооружение защищает статуя Девы Марии де ла Вега, выполненная в XII веке. Эта святая почитается как покровительница Саламанки, о чем легко догадаться по расположению на почетном месте и особенно по богатому облачению: золоченому платью, сверкающему плащу, короне, украшенной бронзой и лиможской эмалью. Заалтарный образ выполнен с большим вкусом и мастерством в отношении деталей. Над картинами располагается большая Ренессансная фреска с сюжетом на тему Страшного суда.

Сегодня в соборный комплекс можно пройти по узкой улице Тентенсио. В настоящее время прежнее назначение сохранил только Новый собор, где в определенные дни проводятся богослужения. Старый романский храм является музеем, устроенным по инициативе епископа Саламанки. Те, кому выпадает удача посетить его залы, наверняка заинтересуются изображениями святых, своеобразно выполненными местным художником Фернандо Гальего в XV веке.

Скел в Старом соборе. Гравюра, XIX век

После осмотра экспозиции стоит подняться на средневековую колокольню, откуда видны черепичные крыши города, его прямые неширокие улицы. Специалисту здесь открывается полная картина конструктивных особенностей собора. По традиции колокольням всех испанских церквей давали имена: название этой башни связано с епископом Херонимо, которому довелось стать очевидцем строительства храма. Верхнюю площадку сооружения занимает звонница с несколькими колоколами, а этажом ниже работает выставка «900 лет истории и культуре собора Саламанки», где представлены старинные книги, документы, предметы искусства, в том числе и полотна саламанкских мастеров разных поколений. Кроме того, из башни можно пройти в галерею Старого собора, разглядеть его сверху, с близкого расстояния, увидеть знаменитые витражи и романские капители колонн. Среди множества музеев Саламанки наиболее древними экспонатами привлекают выставочные залы двух монастырей, построенных к востоку от соборов. Поклонники испанского ренессанса найдут в них прекрасные образцы резных колонн, каких нет ни в одном городе страны.

Орган в Новом соборе

Своеобразная культура Испании, как и характер ее народа, формировалась в ходе Реконкисты, целью которой было не физическое уничтожение мавров, а их изгнание. Гораздо меньше умы освободителей занимала борьба с инакомыслием. Наступление христиан сопровождалось терпимостью к мусульманам и представителям религиозных меньшинств. В средневековых городах синагоги, мечети, молитвенные дома сектантов действовали так же открыто, как и церкви.

Башня Старого собора

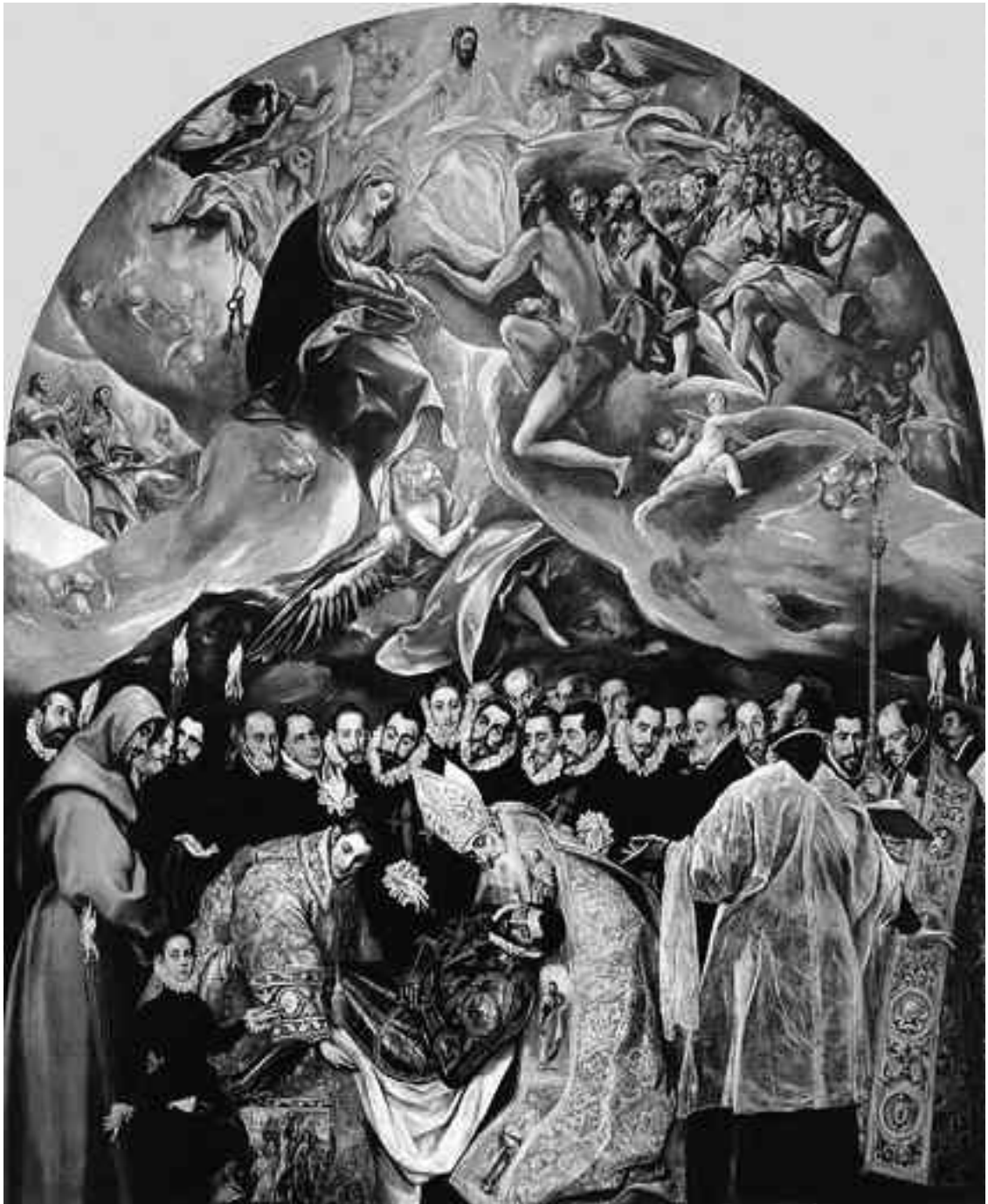
Резкая перемена политики произошла в начале XV века, когда на свободном от арабов полуострове появилось единое государство, сумевшее удержаться благодаря железной воле Католических королей. Во время Реформации Испания, единственная из всех европейских стран, не поколебалась в вере. Не случайно именно здесь возродилось забытое после крестовых походов войско Христово, солдатами которого выступали все подданные короля. Заповеди божьи, безусловно, в трактовке католических священников, отстаивали легендарные испанские ветераны, не имевшие равных на поле боя. Защитниками истинной веры являлись горожане, оспаривавшие друг у друга право подкинуть хвороста в костры, где пылали еретики, недавно бывшие их братьями, друзьями, добрыми соседями. В одном из костров инквизиции погиб Касалла, каноник из Саламанки, на свою беду ставший адептом религиозной реформы в Испании.

Романская и готическая башни Нового собора

Отношение к Богу и святым диктовали догмы, выпущенные в ответ на протестантскую ересь. Следование им означало спасение, тогда как отказ приравнивался к преступлению гораздо более тяжкому, чем воровство или убийство. Духовники обещали пастве, что Господь не оставит без помощи своих слуг: тем, кто самоотверженно защищает его на полях сражений, неважно, на войне или в быту, обеспечено спасение. Заступничество божье обреталось просто – индульгенция или покаяние на исповеди смывали позор греха, негласно разрешая совершать его вновь. В испанской литературе можно найти описание тогдашней городской жизни, которая, как ни в одной другой стране Европы, была наполнена криминалом: драками, дуэлями, заказными убийствами. Истекая кровью, дуэлянты молили об исповеди, ведь того, кто возносился к небесам, отягощенный грехами, ожидали вечные муки.

Рекомендации церкви «согрешить, каяться, снова грешить и каяться» намекали на способ существования, вполне подходящий для испанского общества, в котором религиозное усердие не исключало распущенности. Мечты о вечном блаженстве заставляли воинов, вельмож и даже королей порывать со светскими утехами, заканчивая жизнь в монастырях. Поселяясь в кельях, они усмиряли плоть голодом и молитвами, не опускаясь, впрочем, до такого примитивного занятия, как труд.

Эль Греко. Погребение графа Оргаса, 1588

Религиозность большинства испанцев до сих пор пронизана формализмом, придающим самостоятельное значение ритуалам. Раньше форма исполнения обрядов вообще доходила до абсурда, особенно часто проявлявшегося в утонченной среде, то есть в кругу высшей аристократии. Однажды король Филипп IV потребовал, чтобы монахини обители Агреда молились во искупление грехов, до которых доводит чувственность. Настоятельница напомнила монарху, что покаяние требует усилий самого грешника, но тот был слишком занят и возложил сие хлопотное дело на сестер монастыря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.